

И вливала чувство тайно
С страхом чгить ее — дивясь:
К пей придти необычайно
Было не перекрестясь.

На нее смотреть не смели
И великие дари;
За решеткою сидели
На часах богатыри.

И Полканы всюду чудны
Дом стрегли ее и трон;
С колоколен самогудный
Слышался и ночью звон.

Терем был ее украшен
В солнцах, в месяцах, в звездах;
Отливались блески с башен
Вкруг в восьми ее морях.

В рощах злачных, в лукоморье
Въявь гуляла и в саду,
Летом в лодочке на взморье,
На санках зимой по льду.

Конь под ней, как вихрь, крутился,
Чув девицу ездока;
Полк за нею нимф тащился
По следам издалека.

Коз и зайцев быстроногих
Страсть была ее гонять,
Гладить ланей златорогих
И дерев под тенью спать.

Ей ни мошки не мешали,
Ни кузнечики дремать;
Тихо ветерки порхали
Ее только обвевать.

И по веткам птички райски,
Скакивал заморской кот,
Пели соловья китайски
И жужукал водомет.

Статно стоя, няньки, мамки
Одаль смели чуть дышать,
И бояр к ней спозаранки
В спальню с делом допускать.

С ними так там рассуждала,
Как из облак божество;
Лежа царством управляла,
Их журия за шаловство.

Иногда же и тазала
Не одним уж язычком:
Если больно рассерчала,
То — по кудрям башмачком.